

Новые стихи.

Анастасия Лиене ПРИЕДНИЕЦЕ

ВЕНОК СОНЕТОВ

Анастасия Лиене Приедниеце А.,
перевод с восхищением и благодарностью

1.

такое же сокровище моё,
как старые мечты о мире велей,
где жизнь, как будто сданная внаём,
окажется моей на самом деле:

так думал я — и говорил о том,
что мне остался только выбор средства:
ножом по горлу, головой в бетон —
и пусть родня дерётся за наследство.

ты оказалась против отчего-то.
я тщился позабыть, что ты права,
за муторной уборкой и работой.

но зажигалка втягивала жальце,
дымили отсыревшие дрова,
костёр в саду никак не разгорался.

2.

костёр в саду никак не разгорался,
я напевал себе (хотел — тебе!)
беспечные мелодии латгальцев —
и понимал, насколько ослабел,

насколько я не верю старым дайнам
и дымному бездумному огню.
но март пришёл, громоздкий и бескрайний, —
и я подумал, что повременю.

звонил тебе — то зол, то удручён,
и закрывал глаза, и слушал голос,
и незаметно плакал ни о чём,

и представлял, что ты недалеко,

а здесь водой переполнялась волость,
взлетал и падал ветер городской.

3.

взлетал и падал ветер городской,
клочки газеты проносились мимо.
я шёл и думал: кто же я такой,
чтоб оставаться — бережно хранимым?

раз я живу — всё тише, всё темней,
печалясь, унывая, негодуя?
чего я стою, если ясно мне,
что без твоей поддержки упаду я,

как без шпалеры падает лоза?
и если так — не лучше ли расстаться?..
но ветер мне ни слова не сказал.

лишь водной пылью волосы поил,
а мне казалось, будто их — твои
незримые перебирали пальцы.

4.

незримые, перебирали пальцы
края одежды, задевали лоб.
да! — так ко мне никто не прикасался.
и шёл я, и навстречу утро шло.

хрустела под ногами — снега накупь,
трава на теплотрассе проросла.
и, сил не находя, искал я знаки,
что в расставанье будет больше зла.

откормленный снегирь клевал калину,
гараж для лодок выглядел старинным,
рассвет взмывал — и грозно, и легко.

стыл иней на причале и настиле,
но как же ободряюще светились
верхушки чёрных сосен над рекой!

5.

верхушки чёрных сосен над рекой

сияли — и раскачивались мерно,
и если где-то в мире был покой —
то не в моём письме (изрядно скверном).

мне изменили слово, слог и стиль,
ушла из речи грубая прохладца.
отчаявшись, я просто говорил
о том, что я хочу с тобой остаться.

весна сминала всё, плыла, светлела,
и рушилась во мне — моя тюрьма.
я плакал, и сидел оцепенело,

и с головою лез под одеяло:
пока я ждал ответного письма,
весна меня впервые не пугала.

6.

весна меня впервые не пугала:
пускай скрипели сосны вразнобой
да поднимался холод из подвала, —
я снова, снова говорил с тобой

о том, что ты меня не оттолкнула
и что непониманье — не провал.
и мёрзли руки, и горели скулы,
и я тебя впервые принимал,

совсем не возражая и не споря.
и если где-то в мире было горе —
в то утро я не мог узнать о нём.

и восставала туча на востоке,
но дождевые длинные потоки
не загоняла в выстуженный дом.

7.

не загоняла в выстуженный дом
меня тоска по неизбывной ночи.
я был. я узнавал себя с трудом.
как смог я стать — смиреннее и кротче?..

и для тебя бежал запоминать
провинциальный городок приморский,

как будто мира много для меня:
вот яблони, вот мелкие берёзки,

и пляж пустой, и грубые скамьи,
и валуны, и ветви краснотала, —
всегда мои. по-новому — мои.

о, как тебе я передать спешил
сокровища смешной моей глуши! —
как будто целой жизни стало мало.

8.

как странно! — целой жизни стало мало,
чтоб осознать невиданную вещь:
ты никогда меня не оставляла
и, как могла, пыталась уберечь

лишь потому, что был тебе дороже
других людей — и это правда всё.
обязан жизнью. ничего не должен.
хватает веры в то, что я спасён, —

рыбачьих лодок, угольной котельной,
моей весны — дождливой и метельной —
и ветра беспредельного кругом.

и слов коротких в длинных разговорах,
но не прямого «дорога» и «дорог»:
как будто всё — о новом, о другом.

9.

как странно: всё — о новом, о другом!
я слушал тихий голос, замирая,
но больше не печалился о том,
что я не заслужил ключей от рая.

меня впервые не крушила сила
бездонной и безвыходной вины.
я понимал, что мы с тобой равны,
и помнил: ты об этом говорила.

я опирался на твои слова —
и думал, как бы я нарисовал
тебе апрель, бегущий всё поспешней:

и неказистый ржавый катерок,
и лужи по колено вдоль дорог,
и сонные продрогшие черешни.

10.

на сонные продрогшие черешни
сверкающая ожеледь легла.
ныл ветер: то слабей, то безутешней;
то подползал, то убегал стремглав.

решив, что выходить — неинтересно,
я улыбался, печку разжигал,
с ногами лез в ободранное кресло,
листал случайный старенький журнал —

а после вновь и вновь тебе писал —
и не было во мне тревоги прежней,
а было... право, что за чудеса?.. —

доверие моё: тебе одной:
так молодо и всем изумлено,
как только-только выросший подснежник.

11.

пусть только-только выросший подснежник
не размыкал холодных лепестков,
но становились воды безмятежней,
а дым печной — растрёпан, бестолков —

летел всё выше, выше над землёю,
терялся в низких, бледных облаках.
и больше не казалась нежилою
разлившаяся серая река.

смеялись рыбаки, садились в лодки,
и рыбы тени, вёртки и нечётки,
пересекали быстро водоём.

и я мечтал, как ты приедешь в гости:
в мой сад, давно не помнящий о росте,
в мой дворик, полный солнца до краёв.

12.

мой дворик, полный солнца до краёв,
уже просох от талых вод стоячих,
и я мечтал, как мы сидим вдвоём,
молча о том, что друг для друга значим, —

и говоря о том, как млеет пруд,
как набирает силу сок кленовый,
как чайки ошарашенно орут,
как всё старо — и непривычно ново.

возможно, будет свет и мил, и бел,
и снова переменится погода,
и ты приедешь. или я к тебе.

ну, а пока — со мной апрельский гам,
и письма, и звонки по вечерам,
и ты: кто дальше уходящих лодок.

13.

о ты, кто дальше уходящих лодок! —
тебе — вся эта малая страна:
луна, в заливе ищущая бродя,
и плоская приливная волна,

и тихий вереск у заросшей тропки,
и дикий виноград у стен глухих.
тебе — мой взгляд: и радостный, и робкий,
тебе — мои рисунки и стихи.

возможно, ты себя когда-нибудь
сквозь временно-пространственную муть
увидишь — в дайнах моего народа.

но как я ощущеньем поражён:
ты — только за недалёким рубежом,
а кажется — за стенкой небосвода!

14.

мне кажется: за стенкой небосвода
стучатся, плещут новые моря
и новые светила ждут восхода,
и всё это тебе открою я.

и вели нас под землю не торопят —

и с неба ночью не обрушат бой.
и торфяные не сомкнутся топи:
теперь: ни надо мной, ни над тобой.

и старый Перконс: зоркий, но незрячий:
нас отпустил — и нам не предназначил
весеннего разряда остриё.

но здесь, не в нижнем мире и не в горнем,
возможно ли, что я уже сегодня —
такое же сокровище твоё?

15.

костёр в саду никак не разгорался,
взлетал и падал ветер городской;
незримые — перебирали пальцы
верхушки чёрных сосен над рекой.

весна меня впервые не пугала,
не загоняла в выстуженный дом.
как будто целой жизни стало мало,
как будто всё — о новом, о другом.

и сонные продрогшие черешни,
и только-только выросший подснежник,
и дворик, полный солнца до краёв.

и ты: кто дальше уходящих лодок:
так — кажется! — за стенкой небосвода, —
такое же сокровище моё.

